

Протоиерей Михаил Дронов

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

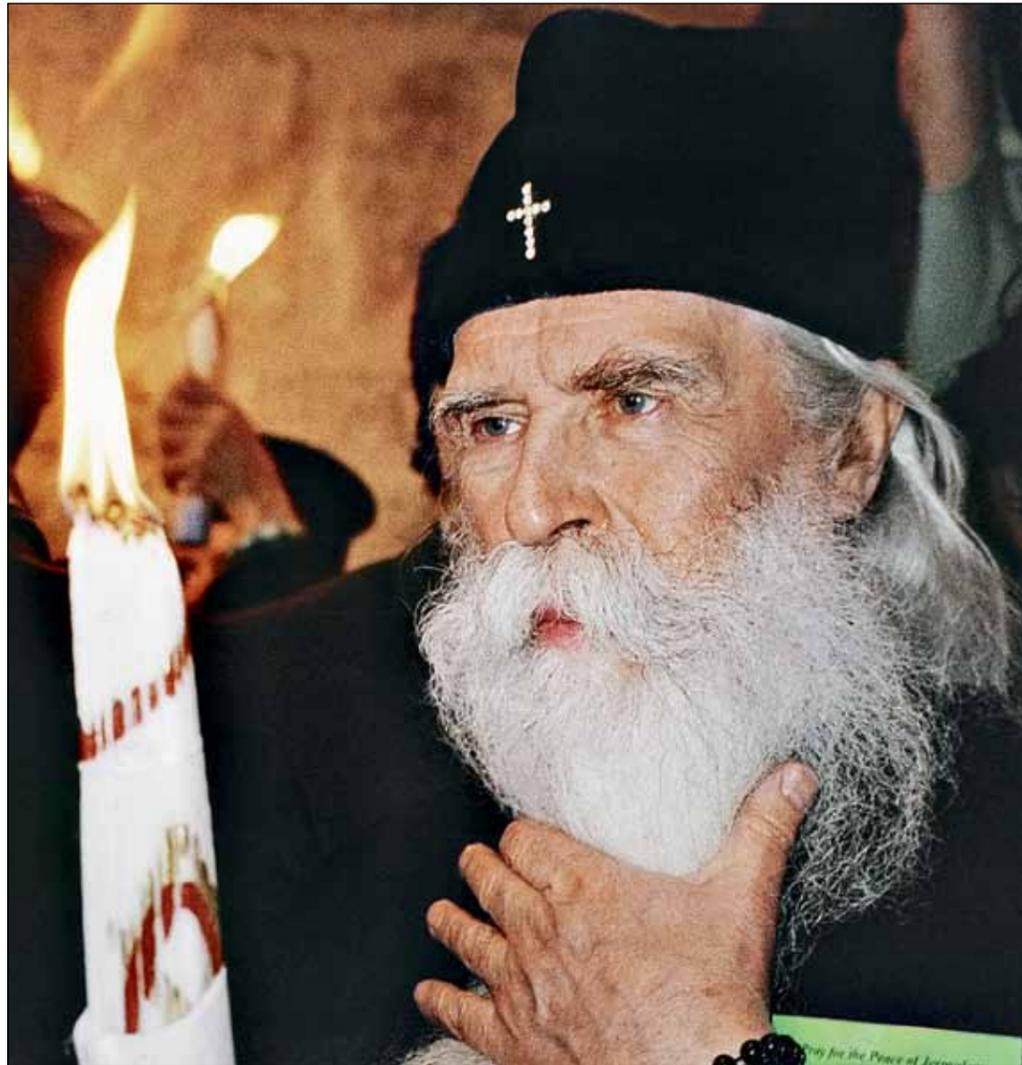
ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦА

Окончание.
Начало в № 8 ЖМП

Мультимедиа-82

Слово «мультимедиа» хотя и появилось в середине 60-х годов в англоязычной среде, в современном значении получило распространение лишь в 90-х годах. Владыка Питирим, однако, уже с начала 80-х под крышей Издательского отдела на Погодинской улице собрал все основные мультимедийные формы информации. Он называл их употребительным тогда на Западе словом «масс-медиа». Фотографией он увлекался с детства, а на склоне лет даже шутил, что признан лучшим в мире фотографом среди епископов. Фотолаборатория и обширная фототека были перевезены из Новодевичьего, где они еще прежде были устроены в Лопухинских палатах. А в новом здании владыка изначально запланировал выставочный отдел. Хотя передвижные фотовыставки о церковной жизни до конца 80-х демонстрировались только за границей, выставочный отдел (руководитель — Сергей Рождественский, позже священник) собрал московских фотохудожников, обогащая фототеку их произведениями.

Еще в Новодевичьем существовал отдел кино (руководитель — И.Д. Ульянова), снимавший в основном хронику и раз в несколько лет представлявший новые фильмы. На Погодинке начали создаваться ленты, посвященные церковным будням. В 80-х годах конференц-зал Издательского отдела был самым большим кинозалом Русской Церкви. Получили развитие слайд-фильмы, сопровождаемые фонограммой. Был создан отдел видеофильмов,

С Благодатным огнем в храме Воскресения Христова в Иерусалиме. 26 апреля 2003 г.

который возглавил молодой послушник Псково-Печерского монастыря, выпускник ВГИКа Георгий Шевкунов, ныне архимандрит Тихон.

Аудиоблок был реализован также с размахом, создан нотный отдел, издававший церковные песнопения (им заведовал диакон, впоследствии протоиерей Николай Парусников; †2004). Хор при Издательском отделе под управлением Ариадны Рыбаковой «озвучивал» сложные полифонические произведения русских композиторов,

а «экспериментальный» хор Анатолия Гринденко осваивал средневековое знаменное и путевое пение. Обширная фонотека непрерывно пополнялась благодаря собственной студии звукозаписи, при которой имелась даже лаборатория по реставрации старых фонограмм.

Собранный владыкой Питиримом коллектив был для него не просто рабочей командой, он заботился об атмосфере взаимного приятия и творческого роста. В двух больших залах нового

здания появилась возможность собираться всем коллективом. Так начались «погодинские среды», на которые за полчаса до окончания рабочего дня все сходились на чашечку чая. Культурную программу организовывали сами: кто-то приносил свои стихи, кто-то показывал слайды из последней командировки, иногда «со стороны» приглашали экспериментальные хоровые группы или музыкальные ансамбли, не пробившиеся еще сквозь советский официоз.

Советская интеллигенция

Из пяти приходов Волоколамского благочиния самым близким к Иосифо-Волоцкому монастырю был храм в Теряеве. Однажды после богослужения владыка Питирим повел нас, иподиаконов, на экскурсию в монастырь. Шел 1981 год, монастырь был еще музеем. Владыка провел нас по подклетиам и крепостным стенам. Он рассказывал о сложных взаимоотношениях князей Московской и Литовской Руси, столетиями воевавших между собой за эти ламские пределы. Закончилась экскурсия на широком монастырском дворе.

Только тут сквозь косые лучи закатного солнца заметил я присоединившегося к нам молодого человека, одетого в стройотрядовскую ветровку. Неожиданно для всех владыка обернулся к нему: «А теперь давайте познакомимся. Архиепископ Питирим». Был ли то студент, запоздалый турист или сотрудник музея, он, надо полагать, надолго запомнил этот лучистый взгляд и неподдельный к себе интерес. Столь высокий сановник, пусть церковный, по советским правилам игры просто не должен был заметить его существования! Именно поэтому молодой человек столь смело подошел послушать гида в рясе. Сколько раз, сопровождая владыку, я наблюдал сходные ситуации, и всегда возникало щемящее чувство. Действовало это неотразимо. Тот, кто

недосягаем, вдруг увидел в тебе что-то, что заставило его заговорить с тобой на равных. Владыка легко покорял людей, если у него и были недоброжелатели, то не среди светской интеллигенции.

Мог владыка быть и совсем другим. В 1981 году режиссер Сергей Герасимов (†1985) привез в Московскую духовную академию творческую группу, работавшую над кинологией о царе Петре I. Его встречу со студентами организовал владыка Питирим. Но мероприятие уже началось, когда владыка через анфиладу «царицыных палат» направился в актовЫй зал. Неожиданно в очередном проходе появилась Тамара Макарова (†1997), которая играла в фильме мать Петра. Заметив владыку, она расплылась своей неподражаемой светской улыбкой и, видимо, на правах старой знакомой даже вскинула руки для приветствия. Я шел за владыкой и не видел его лица, но хорошо видел актрису. Первая леди советского кинематографа, дважды лауреат Сталинской премии, народная артистка СССР под взглядом владыки как-то вмиг обратилась в робкую старушку.

В середине 80-х в Издательский отдел потянулась интеллигенция. Когда владыка был на месте, у него обязательно собирались гости. Ради минутного вопроса сотрудникам порой приходилось день за днем ждать «окошка» между его аудиенциями. Но посетители, принадлежавшие к «ордену» ищущей советской интеллигенции, были не только у владыки Питирима и отца Иннокентия, но практически во всех кабинетах на Погодинке, каждый, разумеется, по своему делу. И каждого, кто впервые переступал порог Издательского отдела, охватывало безотчетное чувство «экстерриториальности». Во «внутренней загранице» и дух был какой-то иной — несоветский, таинственный и радостный.

Как-то отец Валентин Асмус привел на Погодинку Сергея Сергеевича

Аверинцева (†2004). В назначенный час на стук в дверь я откликнулся как обычно. Никакого движения. Когда я открыл дверь кабинета, картина была впечатляющая. Высокий, слегка сутулый, одетый в длинное пальто Сергей Сергеевич застыл в глубоком поклоне. Позади также в черном пальто стоял отец Валентин, стараясь не помешать своему спутнику в выражении его чувств. Будущий академик, интеллигент «номер один» 80-х, через изучение византийской культуры ставший верующим, был необычайно чуток. Его поклон — это не что иное, как выражение искренней признательности тому очагу христианской (а значит, европейской) культуры, который едва теплился, но всё же не был задушен красными знаменными парадными. Не раз после этого бывал Аверинцев у нас на конференциях и у владыки, но уже таким, как обычно, каким знали его все.

Отец Иннокентий

Творческая карьера архимандрита Иннокентия (Просвирнина, 1940–1994) — это удавшийся «кадровый эксперимент» владыки Питирима. Более того, по его результату можно судить и о природе церковной науки. Отца Иннокентия как редактора, библиографа, церковного историка владыка взрастил со студенческой скамьи. Это он обратил внимание на студента академии, сибиряка с острым умом, открытого ко всему новому, и пригласил работать в редакцию. Суть «эксперимента» в том, что владыка Питирим не только создал условия для формирования исследовательских интересов Толи Просвирнина, но всё время расширял круг задач, оставляя свободу для поиска их решений. В результате у молодого человека выработался интерес к методологии церковно-исторической науки, к источниковедению, археографии и к методам оптимизации и хранения информации.

Синостранными гостями у стенда мастерских «Софрино». 1983 г.

Епископ Питирим и прп. Севастиан Карагандинский. Караганда, 1965 г.

Дубосеково. 9 мая 1982 г.

В Великую пятницу в храме Воскресения Словущего. 1980 г.

Надо иметь в виду, как владыка Питирим определял для себя предмет, вокруг которого шла работа Издательского отдела. Это «церковность». Задача необъятная. Научный подход к ней предполагает разграничение областей и поиск оптимальной методологии для каждой из них. Поскольку речь идет, разумеется, не о чисто академической описательной задаче, а о распространении живого предания Церкви (то есть о проповеди), то вопрос о методе многократно усложняется.

История Русской Церкви, избранная отцом Иннокентием в качестве основной области, открыла ему самый широкий методологический диапазон. Ведь прежде чем Анатолий Просвирнин стал священником (позже архимандритом Иннокентием), он прошел уникальную школу владыки. Встречи со специалистами, знающими и увлеченными, позволяли ему познакомиться с самыми передовыми идеями из первых рук. Когда архиепископ Питирим назначил его своим заместителем, в его кабинет перетекла значительная часть посетителей владыки. Ученый монах с иконописным лицом и с глубокой мыслью в глазах производил неотразимое впечатление на творческую интеллигенцию.

В изучение истории Русской Церкви отец Иннокентий стремился внедрить

все те методики, которые ему становились известны. Это прежде всего понимание церковной истории как истории святых и святости, воспринятое им из работ отца Сергия Мансурова¹ (1890–1929). Также это научная аргументация влияния Преподобного Сергия на всё последующее экономико-политическое и культурное развитие Руси. Подтверждение этому он находил в монастырской колонизации учениками Преподобного Сергия еще не освоенных просторов России, за ко-

С протоиереем Николаем Гурьяновым на острове Залита в Псковской области

торыми по пятам шла цивилизация. Эти и многие другие идеи, разумеется, требуют тщательной проработки. Видимо, поэтому около десяти лет он готовил свою книгу-альбом «Троице-Сергиева лавра» (вышла в 1985-м) и не раз отказывался от макета, уже полностью готового для типографии.

Понятно, что владыка Питирим специально не ставил кадровых экспериментов. Но условия, им созданные, и их результаты говорят о многом. Ведь «церковность» — это и есть благая весть Христова, воплощенная в жизни Церкви. То есть это не что иное, как само церковное предание, запечатленное в многообразии форм церковной жизни. Отец Иннокентий, можно сказать, с чистого листа погрузился в задачу научного изучения предания и его материальных носителей. Отсутствие ограничительных рамок обеспечило в его случае чистоту «эксперимента». Результат показателен: освоение предания привело его к методологическим поискам, которые в свою очередь вывели на задачу организации и хранения информации. В те «докомпьютерные» времена, когда еще не существовало реляционных банков данных, его уже не удовлетворяли традиционные картотеки. С помощью перфокарт он пытался увеличить количество критериев для поиска. Можно сказать, отец

Иннокентий явился предтечей информатики в церковной науке.

Небольшая библиотека, имевшаяся в редакции, перед переездом в новое здание на Погодинке была переименована в справочно-библиографический отдел, и его организацию владыка поручил отцу Иннокентию. В 1984 году, когда в пользование Издательского отдела была передана Водяная башня Троице-Сергиевой лавры, тот развернулся уже в полную мощь. На четырех этажах башни нашлось место для огромного количества материалов, в разное время проходивших через Издательский отдел. Среди них фонды: «Афон», «Палестина», «Троице-Сергиева лавра», «Минеи», «Русская Православная Церковь», «Церковная периодика», «Русская патристика», фонды епископа Афанасия (Сахарова), профессора протоиерея Николая Петрова и др. В начале 90-х архимандрит Иннокентий был избран членом Археологической комиссии Российской академии наук, что свидетельствует о признании его ученых заслуг.

Конечно, скептики, невысоко оценивающие новые технологии по отношению к церковному преданию, по-своему правы. Предание — это неформализуемый опыт благодати и святости, передача которого объективируется лишь церковными институтами,

такими как иерархия, таинства, богослужения, литургический календарь и пр. И всё же веяние Духа, живущего в Церкви, затрагивает и культуру — церковную и светскую, которая фиксируется материально. Научные поиски отца Иннокентия были направлены именно на то, чтобы памятники мысли и духа стали «говорящими» и для современного человека.

Компьютерная грамотность

Благодаря тому что владыка Питирим не был подотчетен Госплану и «главкам», первые персональные компьютеры у нас на Погодинке появились в 1986–1987 годах, когда еще не было операционной системы Windows и требовалось на черный экран выводить команды DOS. Еще до первых лазерных принтеров умельцы ухитрились присоединить к компьютеру композер — электрическую пишущую машинку с типографским шрифтом — и с помощью импровизированного настольного издательства изготовить оригинал-макет молитвослова. Хотя понятно, что компьютеры понадобились не только для этого.

«Спящий» агент

Тема сотрудничества митрополита Питирима с КГБ с удовольствием ти-

ражировалась желтой прессой в эпоху шумных разоблачений начала 90-х годов. Хотя любой, кто попытается размыслить об этом здраво, без мифотворчества, не сможет свести концы с концами. Это нелегальные резиденты в других странах могут быть «спящими» агентами «про запас». Мог ли архиерей в своей стране быть «спящим» агентом КГБ? И каким представлялось его пробуждение? Какие тайны государственной важности комитет мог получить от человека, маршрут которого расписан между алтарем и рабочим кабинетом? Неужели КГБ могла заинтересовать информация, собранная архиереем по пути из какого-нибудь европейского аэропорта на экуменическую встречу? Ведь от тех, у кого в руках были молот и серп, бессмысленно даже ожидать потребность в тонком социологическом анализе.

Реальность была куда прозаичней и страшнее, и называлась она Совет по делам религий при Совете министров СССР. Не на явочные квартиры, прячась от посторонних глаз, а легально и в назначенные часы приема являлся каждый архиерей в главное здание своего города — в обком. Там в просторном кабинете под огромным портретом Ленина сидел, как паук в паутине, уполномоченный по делам религий. Среди партийных функционеров, зани-

мавших эти должности, были, разумеется, и такие, кому их власть над боговерующими доставляла удовольствие. Но большинство равнодушно затыкало им рот, не давая вставить слово, и в этом видело задание партии. Ведь это задание они получили еще от того, чья коммунистическая «икона» хитровато шурилась в каждом кабинете: «Чем большее число представителей реакционного духовенства удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь прочесть эту публичку так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»².

В хрущевскую антирелигиозную кампанию 1961 года духовенство уже не расстреливали, но это не помешало уполномоченным рьяно выполнять задание партии. Число приходов они сократили по стране ровно наполовину. А в 80-х изменилась лишь тактика: единственно, чего старались избежать, это лишнего шума, а то «про этот случай растреляют по “Би-би-си”». Когда отец Иннокентий, понизив голос, говорил, что владыка на себя принимает все удары извне, я не совсем понимал, о чем идет речь. Но однажды понял, когда уже стал преподавателем академии. Проректор, встретив как-то меня в коридоре, попросил завезти пакет в Совет по делам религий. Всего-то и нужно было найти кабинет и передать письмо его обитателю. Когда я вышел из дверей совета, то думать мог только об одном: отчего это мне вдруг расхотелось жить.

Бюрократия — интересный феномен. Даже в Германии, кажущейся из России образцом чиновничьей корректности, на форумах в Интернете бюргеры советуют друг другу: «Не вздумайте идти в этот ад одному, по закону вы имеете право на сопровождение». А теперь умножьте всё это на партийную убежденность чиновника в том, что верующий, тем более священ-

ник, — это враг, которого партия и народ обязательно уничтожат перед тем, как войти в светлое будущее. В тот раз я просто не «сгруппировался», поленился подготовиться к встрече с «классовым врагом», сам виноват. Не только архиереи, но и каждый священник должны были навещать к уполномоченному, получая от него регистрацию, то есть право служить на приходе. Ходила горькая шутка: лучший уполномоченный тот, который берет взятки. Именно от удручающих контактов с властями оградил владыка своих сотрудников, целиком взяв их на себя.

Спустя четверть века после старта горбачевской гласности нам наконец становится понятно, что нельзя в один только черный цвет красить историю, тем более людей, подчас сделавшихся ее заложниками. Владыка Питирим понимал это всегда, хотя у него, как ни у кого другого, были причины для неприязни к власти. Семья его отца-священника была репрессирована. Но у него хватило внутренних сил отделить от человека его функцию. Владыка не раз рассказывал, как вначале совет то и дело заворачивал материалы журнала, не разрешая их публикацию. Когда же ему удалось установить доверительные отношения с цензорами, то прежде «зарубленные» статьи прошли на ура. Разумеется, доверие со стороны совета потребовало от редакторов более жесткой самоцензуры. Только это оставляло шанс напечатать актуальный материал, который уж точно не прошел бы, если бы контроль цензоров был придирчивее.

Владыка делился с нами, его ближайшим окружением, своей тактикой общения с чиновниками. Он всегда настаивал на своем патриотизме, а не просто на лояльности к власти. Но всё же действовало не то, что он говорил, а как. С кем бы он ни заговаривал, он всегда видел перед собой человека, личность, а не функционера

или носителя должности. В 1988 году, когда «линия партии» по отношению к Церкви вдруг резко сменилась, даже мне довелось услышать от одного из рядовых сотрудников Совета по делам религий искреннее восхищение владыкой Питиримом. Но и прежде у него находились доброжелатели на всех этажах бюрократической лестницы совета. Их личная симпатия оказалась сильнее партийной непримиримости к религии. Они с готовностью откликались, если их просил лично он. Свой успех владыка объяснял тем, что и здесь держался принципа самоцензуры, говорил: я прошу только то, что дадут. А выпросить ему удалось по тем временам немало. В 1980 году он получил разрешение на строительство большого и удобного здания на Погодинке.

Опасные связи

Запаса доверия у властей, которым владыка пользовался, хватало даже на то, чтобы покровительствовать священникам, попавшим в немилость к властям. Мой отец-священник не был диссидентом в привычном смысле, но на каждый съезд КПСС он писал письма с требованием отменить законы, дискриминирующие Церковь, и восстановить Храм Христа Спасителя. Только теперь краеведы извлекают эти письма из архивов и публикуют³. А в 1979 году отец вступил в открытый конфликт с новым уполномоченным, который потребовал от него убрать в храме дореволюционную мемориальную запись, посвященную погибшим в японскую войну воинам. Отец был лишен регистрации, то есть права служить на приходе, с формулировкой, отражавшей реалии советского законодательства: «за благотворительную деятельность». Ни один архиерей из друзей отца не рискнул после этого допустить его даже к сослужению. Владыка Питирим, напротив, приглашал отца служить в его московском храме

Фото Алексея Реймского

Редакция ЖМП в Новодевичьем монастыре и на Погодинской ул., 20

Воскресения Словущего. А в домовом храме Издательского отдела обычно просил его проводить исповедь сотрудников на Страстной седмице.

Хотя владыка и считал одиночную правозащитную деятельность моего отца неэффективной, он никогда не высказывался неодобрительно в его адрес. Их связывали глубокие духовные истоки — общий духовник преподобный старец Севастиан Карагандинский. Да и в своем успехе у властей владыка никогда не был уверен. Ведь чиновники, помогавшие ему, делали это «в порядке исключения». По сути, они шли против системы, к которой принадлежали. В чем-то они тоже рисковали, а если нет, то это еще хуже — уж очень всё это напоминало игру в кошки-мышки. Минуты уныния бывали и у владыки. Помню, уже в середине 80-х я заговорил с ним о каком-то проекте с участием известных тогда в стране творческих персонажей. Он вдруг оборвал меня не свойственным ему обреченным голосом, как будто раздумывая вслух: а может, нас исползуют, хотят выявить всех.

Абсурдно подозревать владыку как завербованного агента спецслужб. Но сам он, естественно, был интереснейшим объектом для госбезопасности. Собственно, подозрение о его сотрудничестве с органами могло вызвать даже то, как владыка держался с вла-

стями и как вел себя с «секретными» сотрудниками органов. Понятно, что секрет их был секретом Полишинеля. Владыка не сторонился тех, кто за ним приглядывал, даже, наоборот, смело сближался с этими людьми, искал с ними человеческого контакта. Был в этом какой-то ребячливый вызов, элемент игры. Нас, его помощников, владыка учил тому же — быть всегда открытыми, чтобы не повышать к себе чьего-то «профессионального» интереса.

Нельзя сказать, чтобы владыке совсем безразлично было, работает ли сотрудник только у него или еще где-то получает задание. В начале 80-х мне даже пришлось выдержать что-то вроде теста на «стукачество». Однажды я попал «на ковер» к владыке из-за какого-то производственного промаха. Владыка никогда никого не отчитывал, ему достаточно было показать свое огорчение. В тот раз он ходил по кабинету, переключая на столе какие-то бумаги, и вдруг, не глядя на меня, глухо сказал: а может быть, ты чемодан с двойным дном? Я чуть не задохнулся от возмущения, когда до меня дошли его слова. Пару секунд я пытался подобрать ответ, более или менее соответствующий его сану, как вдруг поймал на себе внимательный оценивающий взгляд и понял: можно уже не отвечать.

В 1989 году горбачевская демократизация привела митрополита Питирима в Верховный совет СССР. Он стал одним из трех депутатов, представлявших там Русскую Православную Церковь, вместе с Патриархом Пименом (†1990) и митрополитом (будущим патриархом) Алексием (†2008). Официально он был избран не от Церкви (религия и Церковь еще не были окончательно легализованы), а от Фонда культуры. Первое, что сделал владыка, получив депутатский статус, — пошел на прямое нарушение советских законов, запрещавших Церкви любую воспитательно-образовательную работу с детьми. Он открыл воскресную школу при своем приходе в Москве — первую в России за последние 70 лет. Добился открытия Иосифо-Волоцкого монастыря и ряда храмов в своем благочинии. Часто он говорил нам в волнении: «В судьбоносное время живем, братья. То, что мы не успеем сделать сейчас, может быть, больше никогда не представится возможности сделать».

Фото из архива автора

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Мансуров С., свящ. Очерки из истории Церкви. Богословские труды. Сб. 6. 7. М., 1971.

² Секретное письмо В.Ленина, направленное членам Политбюро после событий 19 марта в Шуе.

³ Опубликована, напр., выдержка из письма протоиерея Александра Дронова Президиуму XXIII Съезда КПСС 1966 года // Клюков А.Ю. Найдёнов А.А. Храмы и монастыри Липецкой епархии. Храмы Липецка / Липецкое областное краеведческое общество. Липецк, 2006. С. 42–43.